

Валерий Дементьев

Поэты Севера

С русским Севером, с древней землей Заволоцкой связаны неразрывными творческими узами многие талантливые современные поэты и прозаики. Некоторые из них живут в Москве и Ленинграде, иные по-прежнему в родной Вологде, но как бы они ни отличались друг от друга по возрасту и по характеру художественного дарования, всех их объединяет глубокая любовь к родному краю.

Босиком по земле

страна березового ситца не заманит шляться босиком», — с вызовом, болью однажды бросил строку Сергей Есенин. Бросил ее как бы нена-

роком, случайно, а вложил в строку многое — и затаенную грусть о быстротечном времени, и безнадежность попыток как-то возродиться, воскреснуть заново, обрести простодушную радость бытия, без которой мучительно-трудно жить современному человеку.

Не знаю, думал ли об этой есенинской строчке Александр Яшин, называя новую книгу «Босиком по земле». Скорее всего не думал, не полагал, что как-то вступает в полемику с Есениным, но уж если так получилось, то именно это название, а точнее — полустигшие из одноименного стихотворения выразило главную идею книги:

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

Желание отрешиться от повседневной суеты, скинуть надоевшую обувь, босиком пройтись по лесным тропам, по мягким полевым дорогам — у кого не возникало такого желания! Чтобы вкусить подобное счастье, немного надо: поехать за город, и пусть, как говорит поэт, «все лишние биотки берет из тебя земля». Сложнее дело с другим — основным смыслом образа. Здесь одним библейским посохом не обойдешься, — ведь речь идет о полном обновлении человека, о его жажде нравственного самосовершенствования, о его стремлении вплотную приблизиться к матери-природе, «обрести птичье зрение, недоступное людям». Поэта неудержимо тянет на Бобришный угор, в блудновские леса вовсе не по его собственной прихоти: где-то там, вдали от Бобришного угора и блудновских лесов, ему трудно живется, его измучили вечные, «проклятые» вопросы, сомнения расправляют его душу:

То сердце живет с умом не в ладу.
То чувства не знают меры...

Поэт неохотно обнажает свои боли и рассказывает о своих бедах. Только иногда, словно сквозь стиснутые зубы, прорвется признание: «Трудно живу, молча живу, молчу до ожесточенья». Ему тягостно ворошить прошлое, пережитое. Это прошлое, нездешнее, надо отсечь разом, как отсекает лесник сухую, омертвевшую ветвь. По крайней мере, А. Яшин пытается сделать это в своей книге — отсечь какую-то другую жизнь, не похожую на беспечное, вольготное бытие в блудновских лесах. Вначале ему как будто бы удается это сделать. Сумятица буден забыта, душа и глаза — настежь. Живительные силы вливаются в поэта, когда он приезжает на родину. Он чувствует себя человеком, выздоравливающим после долгой болезни.

Вот этому обновлению не только зрения и слуха, но и всей душевной организации художника и посвящена большая часть книги «Босником по земле». В который раз поэт потрясен, зачарован девственной красотой Севера. Как древний солнцепоклонник, А. Яшин славит чудо восхода; ему кажется, что всё в лесу поклоняется солнцу, что у рыжей волнушки «пушистая юбочка с оборками» стала походить на «солнечные протуберанцы», что даже старый глухарь, распутив хвост, пытается выдать себя за «восходящее светило». Не меньший душевный трепет, не меньшее языческое благоговение вызывает в поэте сказка зимнего леса: «И я, сам бог и царь природы, вхожу под это чудо-своды почти испуганный, немой».

Поэт смело идет на преувеличения, его кисть приобретает былинный размах и красочность. Здесь, говорит он,

Нехоженными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичьи голоса.
Невиданными — каменные склоны.

Это «полусказочное ощущение Севера» было замечено К. Симоновым в одном из первых сборников Александра Яшина — в «Северянке». Казалось бы, ничего не изменилось за двадцать пять лет — родная северная сторона, маята и мечта поэта, питала и питает его творческие замыслы. Ведь замечает же он, что здесь, на Вологодчине, «снова верится и чудится, что жизнь идет не стороною», ведь кланяется он земным поклоном деревеньке Блудново за то, что здесь он начал писать, «а это — хлеб для души».

Сколько было написано стихов в нашей

поэзии о березке, о белоствольном диве русских лесов! Однако Александр Яшин нашел свои слова, по-своему увидел эту песенную березку. Начал он стихотворение «Про березку» со спора с расхожим представлением о ее царственном виде, о ее заносчивом характере. Поэт видел березку

Не кудрявой
И не золотистой,
Не расхожей — оторви да брось,
А совсем беспомощной,
Без листьев,
Голенькой
И вымокшей насквозь.

Видывал и в грозы, и в бураны,
При ночных огнях
И на заре.
Знаю все рубцы ее и раны,
Все изъяны на ее коре.
И люблю любовью настоящей
Всю, как есть,
От макушки до пят.

Поэт замолкает, как бы про себя повторяет написанное, — и веско заключает:

О такой любви непреходящей
Громко на миру не говорят.

Чудесна эта лирическая миниатюра, но она могла возникнуть и двадцать пять лет назад; в ней, как говорится, нет тех отметин, которые оставило в душе поэта время. Однако в целом о сборнике А. Яшина этого никак не скажешь. Не скажешь хотя бы потому, что в книге имеется еще одно стихотворение про березку, перекликающееся с первым, но преисполненное не светлой любви и тихой озаренности, а обиды и горечи: березка не выдержала жизненной борьбы, погибла.

Над увядшей ее листвою.
Будто волны мертвой воды.
Равнодушно сомкнулась хвоя.
Не почуяв чужой беды.

Вот почему, читая стихи о Бобришном угоре, о зеленом царстве покоя, с самого началастораживает настойчивость, с которой поэт пишет о своем счастье, настаораживает рассудочность, некая непререкаемость его советов: стоит прикоснуться к тайное-тайных природы, как, по его убеждению, «добру откроется сердце и будет совесть чиста», как человек испытает ни с чем не сравнимое обновление, освобождение от горьких сомнений и тягостных вопросов. Не кто иной, как сам поэт, противоречит этим советам, этим надеждам. Если в первых книгах он принимал мир таким, каким этот мир был, — ясным, возбуждающе-радостным, тронутым дымкой сказочной фантастики, если в природе поэт же искал

